

Владимир Плешаков

ТАРЫ-БАРЫ

рассказы

Владимир Плешаков

Тары-бары

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18010130

ISBN 9785447465049

Аннотация

Иногда загадочные, иногда нереальные, порой странные, порой обыденные, то ироничные, то философские – рассказы, байки, притчи, сны...

Содержание

Русалка гриль	5
Стыд смертельный	30
Ужин	42
Роль	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Тары-бары
рассказы
Владимир Плешаков

© Владимир Плешаков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Русалка гриль

Дорога петляла. Видимо, речка тоже петляла. Так что мы переезжали через нее раза три, не меньше. И когда в очередной раз впереди показался мост с указателем «р. Ум», я быстро достал из рюкзака руку, завернутую в газету, и едва машина оказалась на мосту, выбросил сверток за окно. Газета на лету распахнулась и спланировала в траву ближе к берегу. А рука русалки, похоже, упала прямо в воду. Домой.

* * *

Костик говорит: А чо там уметь-то? Наливай да пей! – и ржет.

Ну, я Костика знаю. Не так уж они там и налегают на это дело. Костик рыбалку любит. А смешивать два удовольствия не любит. Сам же говорит: Это как колбаса с пирожным. Так что насчет «наливай» это больше фигура речи.

Поехать, что ли, правда? Ленка с остолопами вернется аж через пять дней, а я уже от вида, запаха и тишины пустой квартиры скоро взвою. По-дурацки получилось с этим отпуском. Сначала думали махнуть все вчетвером, посчитали – вроде наскребем. Тут Хандорин со своим авралом. Конечно, – говорит. – Ты в полном праве. Полагается отпуск, так полагается. Езжай. Только...

Я и остался, конечно. А что делать? Встать в позу? Остал-

ся, своих отправил, ласты на антресоли обратно закинул, тут и аврал кончился. Так же внезапно, как и начался. Партнеры договор расторгли, или что-то в таком роде. Хандорин меня встречает в коридоре: А ты чего в отпуск не поехал? Я ж тебя отпустил!.. Ну не гад, а?!

Я – в турфирму. Может как-то можно присоединиться к своим, хотя бы на неделю? Нет, говорят: туда билеты есть, а обратно – нет. Как так, непонятно. Что, туда улетели 100 человек, а назад 150? Египтяне, что ли, к нам подались?.. В общем, не срослось.

Кукую две с лишним недели холостяком. Разобрал коробки и шмотки в кладовке и на антресолях (на ласты поглядел – вздохнул тяжко...), велосипед помыл, тормоза подтянул, шины накачал. Даже покатался однажды часика полтора. Но одному какой интерес? С остолопами куда веселее! То наперегонки, то слалом-гигант устроим, да и вообще – спросят, я отвечу, потом я чего-нибудь спрошу. Или едем, орем в три глотки «Пара-пара-парадуимся на своем веку». Так что, приковал велик к мусоропроводу, который уж лет шесть как заварен, а велик посмотрел на меня с укоризной, мол, за что, хозяин? Говорю, потерпи, это на неделю, не больше.

С велосипедом разговариваю? Да. За 16 дней я с телевизором-то устал говорить – его ведь не переорешь. Другое дело с кастрюлей побеседовать, пока макарошки варятся, или с утюгом. А велик уж совсем почти отвечает, живая ведь

тварь.

* * *

Не помню, я Костику позвонил, или он мне. Он ведь знает, что я не рыбак. Но, опять же, знает, что мои в Египте. Вот и позвал, благодетель. Не умеешь, и не умей, говорит, считай, что я тебя на пикник позвал. С удочками. Я аж воспарил, мне этого только и не хватало. В буквальном смысле. На природу, босиком по траве, еда с костра, мужские забавы. Ну, в смысле, подростковые такие, но в исполнении взрослых дядек, потому выглядящих как дебилы. Это ж сказка! На пару дней заделаться дебилем, да еще у водоема! Тем более, почти всю компанию знаю. С Хуаном, как и с Костиком, вместе учились. С Аркадием когда-то вместе работали. Евгений Николаевич или Петрович, не помню точно – это какой-то родственник Хуана, я его пару раз видел. И еще незнакомый мне Хряп.

– Да знаешь ты его! – орет Костик, – Хряпов его фамилия. Ну?

– Не знаю я никакого Хряпа. Да не в этом дело. В машине-то места есть?

– Для тебя, братан? Ну!

– А вы с ночевкой или как?

– Не, с ночевкой не получится. Рано утром выезжаем, поздно ночью приезжаем.

Еду! Проверил аккумулятор в старенькой мыльнице. Но-

вый Никон Ленка в Египет, естественно, увезла. Лосьон от комаров, бандану, нож свой швейцарский (это уже второй, первый у меня на таможне в том же Египте отобрали – забыл из ручной клади выложить, блин), что еще? Вот он, неопытный рыбак! У бывалого сборы уже на автомате происходят, точно знает, что брать, чего не надо.

* * *

В полчетвертого проснулся, за минуту до того, как будильник в телефоне начал изображать звуки природы – электронные птицы засвистели, но я уже был на ногах. На все десять минут, Костик грозился без четверти четыре заехать.

Лифт не работает. Типа, выходной, люди дома должны сидеть? Ладно, вниз – не вверх. Вышел из подъезда. Вот это мне нравится! Тишина вот эта особенная, длиннющие тени, воздух какой-то неуверенный, и главное – ни души! Я часто Ленке говорю (и шучу при этом только наполовину, а то и на 30%), что нашему городку цены бы не было, если б из него всех жителей выселить. Только представь: чистота, никто ни соринки не уронит, тишина опять же, никакого тебе шансона, никакой попсы, никакого тынц-тынц электронного. Гуляй, не хочу!

Хорошо, но где Костик? Уже без пяти. Перестраховался, что ли? Думал, я просплю? Я не проспал, Костя! Я как тот мальчик из «Честного слова» – на своем посту. «Ока» подкатила почти беззвучно, вписавшись в утреннюю тишину как

нельзя лучше. Туша Костика вывалилась из двери, крохотная машинка аж приподнялась на рессорах облегченно.

– Давай грузиться – заорал было Костик, но я шикнул и рукой махнул в сторону окон. – давай грузиться – уже полупшепотом повторил Костик. – О, а где рюкзак, гражданин рыбак?

– Это все – показал я на пластиковый пакет

– Ну ты ваще налегке, а жрать чего будешь?

– Я думал, что наловим, то и съедим.

– Ты наловишь! Ага. Ладно, садись, халявщик.

Бедная «Ока» скрипнула, застонала, осела, а ведь это только Костик забрался внутрь, мне аж жалко стало железа-ку, но полез тоже – куда деваться.

* * *

Улицы утренние, звонкие от пустоты, до чего хорошо! Устал я от людей, что ли? Разве так может быть? Я ведь и сам человек, и остолопы мои тоже люди какие-никакие. Как так, устал от людей? Не успел я додумать эту мысль (а она мне не в первый раз в голову приходит), как Костик ревет:

– Эй, не спать! Твоя задача меня держать в тонусе. А то ведь если я тоже засну, совсем некарашо будет! Так что давай, весели меня, развлекай и следи, чтоб я не кемарил.

– Чем тебя веселить?

– А чем хочешь. Пой. Анекдоты рассказывай.

– Знаешь же, я не умею.

– Ничего, давай. Это ж не для смеха, а для дела.

– Нуу... Святой Петр приходит к Богу и говорит: «Господи, там к тебе атеисты пришли!» А Бог отмахнулся и говорит: «Передай им, что меня нет»

Костик так заржал, что я вздрогнул от испуга. Вот оказывается, что нужно для успеха – раннее утро и два невыспавшихся типа в трясущейся машине. На волне признания аудитории я вспомнил еще штук пять анекдотов (причем, по неясной причине три из них были про Бога), и рассказал их с тем же результатом. Не успел Костик отхохотаться по поводу чернокожего Ди Каприо, как нас нагнал черный ниссан, поравнялся с нами, и в открытое окошко высунулся довольный Хуан.

– Здорово, черти! Вы чо стоите? Поломались, что ли?

– Очень остроумно, – обиделся за свою тачку Костик и вдавил педаль. Мы резко ушли вперед, но ненадолго. Ниссан как будто без труда нагнал нас снова.

– Костян, не нервничай, она у тебя и так вся в мыле, – весело орал Хуан. Рядом с ним виднелся профиль Евгения Николаевича. Или Петровича, не помню. Заднее окно тоже приоткрылось, показался Аркадий:

– Привет, мужики. Вы сильно не гоните, а мы поедем вперед, займем наше место, а то понаедут какие-нибудь гаврики. Ага?

Костик согласился: Давай. Но обида в его голосе все-таки осталась. Ниссан рванул вперед, а Костик как будто да-

же специально приотстал, всем своим видом говоря: ну да, вот такие мы посконные, на отечественном малолитражном автопроме ездим, не то, что капиталисты некоторые. И руль погладил как-то нежно.

* * *

Свернули с трассы, попетляли минут пятнадцать, потом и с грунтовой свернули совсем уж в верблюжью какую-то тропу. Ехали вдоль речки.

– Знаешь, как река эта называется?

– Ммм?

– Ум!

– В смысле?

– Так называется, Ум. Мы указатель проехали с полчаса назад. Река Ум.

– То есть мы сейчас едем нормально, по уму.

– Именно! я первый, кстати, это придумал. А еще с ведром когда пойдешь, это – ума набраться.

– Ага. А искупался и – из ума вышел.

– Точно. Во, это новое. Чур, я этот каламбурчик расскажу мужикам! А ты еще придумаешь!

Мне конечно не понравилось, что Костик безапелляционно присвоил право первенства на мой каламбур, но с другой стороны польстило, с какой уверенностью он предположил, что я еще смогу придумать. Кажется, начинаю карьеру юмориста! Вот он, сладкий наркотик славы – немного лести,

и лепи из человека что угодно.

* * *

Из-за высокой травы показался черный бок ниссана, Костик лихо развернулся и встал.

– Привет участникам автородео! – тут же среагировал Хуан.

– Не ори, рыбу распугаешь, – проворчал Костик, уже вполне добродушно. Природа все-таки. Располагает.

Тут начались все эти рыбацкие дела, когда все знают, что делать, каждый что-то достает, разворачивает, все сосредоточены, приятно возбуждены, один я как олух стою. Чувствую, праздник жизни мимо меня проходит. Аркадий глянул на меня, кажется, все понял и говорит:

– А ты чего как неприкаянный? Вон котелок возьми, надо чайку пока поставить.

– Да, сходи ума наберись! – почти хором сказали Костик с Хуаном, и все по-доброму засмеялись. Я понял, что это их старая и неперемнная шутка. Во всех компаниях или в семьях есть такая обязательная, можно сказать ритуальная шутка, которую все знают наизусть (кроме новичков, естественно), и тем не менее все смеются каждый раз, когда кто-нибудь ее произносит. А для самого новичка это еще и инициация – пошутили, посмеялись, считай, принят в банду.

Я, принятый в банду, пошел к берегу, присел на корточки, окунул котелок, да так и замер. От красоты. Вот бы какой-ни-

будь Пришвин описал! Помню, в школе на диктантах постоянно писали отрывки из Пришвина, и всегда это были описания природы. Тогда казалось это скучным, а сейчас вдруг вспомнил и пожалел, что не смогу так описать, чтоб захватило дух, как захватили его у меня. И ведь, стыдно признаться, как школу закончил, так о Пришвине и не вспоминал, ни одной книги его не прочитал. Даже и названия не знаю ни одного! Культурный человек, почти интеллигенция, ээх... В общем, уголок природы был великолепный: речка Ум здесь изгибалась довольно круто, и противоположный берег казался островом, а наш – берегом озера. Всюду кустарник подходил к самой воде, и только на «нашем» месте вода намыла песок, и получился этакий пляжик. И купаться удобно, и рыбачить. Наверное.

Ну, вот такой из меня Пришвин. «Уголок природы был великолепный». Ужас! Вот такая же история была с Шишкиным. Тоже воспринимался как обязательный к изучению, как часть школьной программы, а не как художник. Ну, мишки в лесу. Ну, сосна посреди поля. То ли дело – бой Пересвета с Челубеем! Часами можно рассматривать, столько там всяких деталей, и как все выписано: и оружие, и развевающиеся бороды, и блестящие глаза. Ух! Или где казаки пишут письмо. Или последний день Помпеи. А пейзажи... Кому они нужны? Мне казалось в детстве, что они для того только и нужны, чтоб сначала художники учились, овладевали мастерством, тренировались на пейзажах, а потом уж присту-

пали к серьезным работам – батальным, массовым картинам. Только некоторые так и не посерьезнели, как Шишкин например, так всю жизнь и рисовал елки-палки.

И вот поехали мы с Ленкой в Киев к дальней родне. Старались меньше бывать в тесной квартирке, чтоб не надоедать, потому целыми днями совершали экскурсии – по городу, по ботаническому саду, по музеям всевозможным. Благо, в Киеве уж есть, что посмотреть. Но я о Шишкине. Музей русского искусства, так, по-моему, называется. И там выставлен Шишкин. В полный рост, что называется. Это вам не фантики от конфет «Мишки в лесу». Именно их я первыми и увидел. Вообще-то «Утро в сосновом лесу» называется. Увидел и остолбенел. Ведь вроде с детства не то, что знакомая картинка, а буквально оскомину набившая. И вдруг такое! Особенно этот свет, сквозь хвою пробивающийся! Я аж запах почувствовал. До такой степени все живое! Но дело даже не в этом. Конечно, реализм поражает, и мастерство. И то, что подойдешь поближе – мазня сплошная, мозаика бессмысленная. Отойдешь – и вот снова лес появляется, деревья ветром слегка колышутся, на траве солнечные пятна горят. Но, говорю, дело даже не в этом. Я вдруг понял, зачем пейзажи, почему Шишкин их писал и писал. Я прямо увидел, как вот он идет по лесу, поднимается на какую-нибудь горку, и тут перед ним открывается такой вид, что дыхание перехватывает от красоты, от Совершенства. И никого нет рядом, чтоб толкнуть в плечо и сказать: Смотри! И чтоб тот,

другой, тоже ахнул, да так и замерли бы оба, пораженные увиденным. Ну вот один он гулял! И что делать? Кого локтем толкнуть? Вот тут-то и проявляется настоящий Художник. Он бежит домой, достает краски, и вот это свое Ахх! не одному какому-то попутчику передает, а всему человечеству. Толкает нас локтем, чтоб мы в восторге замерли и смотрели замороженно. А мы, дураки, это чудо на конфетных фантиках печатаем, и чудо всякое пропадает. И зачем, спрашивается, Шишкин старался...

Все это я к тому, что не дано мне таланта вот так же передать ту красоту, что на речке Ум я увидел. Так уж не буду и стараться. А то только хуже сделаю.

* * *

Сколько я так сидел с котелком, погружённым в воду? Но тут сверху появились Аркадий с Костиком:

– Вот он сидит, смотрите, сидит себе на Уме!

Новый каламбур пришелся кстати, все захохотали. Я понял, что у них тут негласное такое соревнование, какие еще шутки можно придумать, обыграв название речки. Надо будет тоже что-нибудь сообразить.

Я поднялся наверх, Хуан перехватил у меня котелок и повесил его на палочке над уже разведенным костром. Они тут время не теряли. Интересно, а они понимают, какая красотища перед ними?

Говорю: Слушайте, какое место тут красивое!

Аркадий кивает, Евгений Петрович (или не Петрович?) тихонько говорит: Это да. Костик хлопает меня по плечу: А мы в плохие места не ездим, братан! Хуан хворосту подкладывает и говорит: Ты потом еще вдоль пройди, вон туда, там такой заливчик есть, с деревом... И Евгений-как-его опять вздыхает: это да...

И мне вдруг так хорошо становится, что не выразить! От того, что вот мужики все такие разные: Аркадий вечный скептик, Костик толстокожий вроде бы, Хуан хамоват, хотя не так прост, как хочет казаться, Евгений этот без отчества, сколько его знаю, он за все время едва ли десять фраз сказал. Кстати, еще Хряп какой-то должен был поехать? Видно, сорвалось. Но я отвлекся, при чем тут этот Хряп? Ни при чем он тут! Я что говорю? Вот мужики такие вроде все, без сантиментов, что ли. Реальные такие, на земле. Я расчувствовался, пейзажем залюбовался, а когда они сверху подошли, мне как-то неловко стало. Будто я тут не совсем уместен со своими пейзажными переживаниями. Мужики на рыбалку приехали, делом занимаются, а интеллигенция гнилая ахает и охает. Это с одной стороны так получается, вроде как они правильные, а я неправильный. А с другой – наоборот. Ведь природа вечна, а мы мураши на ней, ползаем, суетимся, царями природы себя возомнили, а надо остановиться, вспомнить, что мы и кто мы, и позабыв гордыню природе поразиться и удивиться. И тут получается, что я вроде как правильный, а они вот такие приземленные – непра-

вильные. И вдруг выясняется, что нет никакого Я и Они, нет правых и неправых, что все мы похожи, и какие бы ни были разные, а перед лицом Природы и Красоты все едины, и все замираем в почтении, просто иногда смущаемся этого и скрываем за маской грубости, деловитости...

И мне даже неловко стало от этого моего ощущения: вот, мол, есть такие вот они, а есть вот этакий я. Глупости! Все мы люди. И вот от этого мне и стало так хорошо, прямо каким-то светом будто наполнился.

Впрочем, все это секунду продолжалось, а я вон как расписался. Это зря. Сам я ужас как не люблю, когда авторы начинают обычные слова с заглавных букв писать: Жизнь, Счастье. А сам только что кричал: Природа, Красота! Просто бывают такие моменты, когда слов недостаточно, и воздуха недостаточно, и кажется, тебя не поймут, если не кричать во весь голос. А люди, на самом деле, которые нечто подобное переживали (а это почти все), все прекрасно поймут не только без крика и высокопарности, но и вообще без слов. Так что, если вы все поняли и так, считайте, что двух предыдущих абзацев просто нет. Хотите, вычеркните их.

* * *

Началась собственно рыбалка. Так я это понимаю. Сели люди, поставили удочки на рогатки, замерли и на воду глядят. Тут, видимо, тоже дело вовсе не в рыбе, а в этом вот молчании и сосредоточенности. Буддисты-монахи для этого

даже удочки не используют. Просто сядут и сидят, молчат. И смотрят не в реку, а в себя. Тем более, что согласно их учению, вся жизнь и есть река.

Но я, как видно, не дорос до буддизма. И даже до обычной рыбалки. Подсел тоже на берегу на раскладном стульчике, посидел. Нога затекла. Потом шея. Встал, потянулся. Опять посидел. И решил прогуляться. Камеру свою, мыльницу, прихватить.

Куда там мне советовали пройти, где заливчик с деревом? И я, стараясь не шуметь и не привлекать к себе внимание настоящих буддистов-рыбаков, поднялся к лагерю, пошерудил костер, взял зачем-то палку, которой двигал дрова, и пошел прогуляться.

Поднялся чуть выше лагеря, там оказалось поле. То ли пшеницы, то ли ржи. А может и овсяное. Стыдобище! До чего мы, городские жители дошли! Рожь от овса отличить не можем. Да что злаки! Вот дерево стоит у самой воды живописное. А я ведь и не знаю, ива это или ветла какая-нибудь. Так и говорим: «дерево». И вроде ведь ботаника была в школе. Да только я кроме корней стержневых и мочковатых ничего не помню. Ах ну да, еще пестик и тычинки, конечно! И чего мы, спрашивается, изучали год или больше? Или взять ту же школьную астрономию. Помню, что мы учились какие-то параллаксы вычислять. Для чего? А просто названий созвездий не знаем. Ну Медведицу да Кассиопею найду на небе. А как стороны света определить или время? Вот бы

чему на астрономии учить – тому, что в Средневековье каждый мальчишка знал. А то получается прогресс наизнанку. Человечество вроде бы знает все больше и больше, а человек отдельный – все меньше.

* * *

– Вставай, рыболов! – заорал Костик. И я понял, что задремал. Дошел до красивого дерева (ветлы? ивы?), вернулся в лагерь, поразмышлял о бестолковости школьных предметов и незаметно уснул. А оказывается, уже окончательно рассвело. Солнце ногу мою левую основательно припекало. Рыбаки суетились вокруг костра, потрошили рюкзаки.

– Мы думали, ты тут за костром следишь! Хе-хе. Ну что, уху забарабаним?

На этот риторический вопрос я отвечать не стал, и чтобы искупить свою вину за погасший костер, отправился за дровами. Принес ворох веток, потом сучки покрупнее и посчитал, что я снова полноценный член коллектива. Спрашиваю Аркадия:

– А что, уже есть из чего уху варить?

– Уха такое дело, что ее всегда есть из чего варить.

А Хуан рядом с костром какое-то сооружение воздвигает:

– Мы, дорогой, не только на уху наловили, мы сейчас еще и гриль забабаким. Рыбный шашлычок, генацвале!

А Костик, проходя мимо меня, интимно так говорит:

– Везунчик ты, брат. Первый раз на рыбалке, и русал-

ку-гриль попробуешь!

– Повезло, – кивает головой Евгений типа Петрович.

Я уже открыл рот, чтоб спросить, что еще за русалка-гриль, но вовремя понял, что лучше промолчать. Знаю я эти штучки для неофитов. Приколы для новеньких. Помню, когда я на буровую впервые прилетел, меня тоже кто-то из помбуров послал за глюкоסקопом. Я полдня ходил от одного к другому, от дизельной до кухни, спрашивал у всех глюкоскоп, и все меня на полном серьезе посылали дальше: только что бригадир унес, спроси у кранового, может на складе лежит. Только часа через три я начал подозревать, что меня разыгрывают. И когда вся бригада собралась на обед, мастер-бурила говорит:

– Ну что, не заработали мы обед-то. Полдня насмарку ушло. Глюкоскоп так и не нашли?

Кто-то отвечает: да вон, мол, новенький должен был принести. Я было начал оправдываться, что и там искал, и тут спрашивал. Только все как заржали хором! Тут я и понял, что это своеобразное посвящение, ритуал. И обижаться нельзя ни в коем случае. Если сам над собой вместе со всеми посмеешься, скорее станешь своим среди них. Да я и на самом деле не обиделся. Надо ж было догадаться! Глюкоскоп!

Вот и у рыбаков, думаю, тоже есть свой приколы, розыгрыш. Только тут русалка-гриль. Ладно, думаю, сделаю вид, что клюнул, пусть повеселятся.

– Русалку выловили, что ли? Здорово! А я в кустах тут

Пегаса видел, он траву щипал.

Но мужики шутку не поддержали, не засмеялись. Переглянулись только странно, ухмыльнулись загадочно. Аркадий говорит:

– Ты не понял. Это не шутка. На самом деле русалку поймали. Нет, не тетку с хвостом и зелеными волосами. Это, конечно, рыба такая...

Хуан кричит от своего гриля-мангала:

– Не рыба! Это млекопитающее. Или земноводное. Типа тритона.

– Не важно! В общем, на русалку не очень похоже, но так уж все привыкли называть. А главное, она попадаетсЯ ОЧЕНЬ редко! Это считается рыбацкой удачей. И не важно, кто именно поймал («Хотя это я!» – вставил Костик), всем удача будет. Я вот второй раз в жизни всего ее вижу, а ты в кои-то веки собрался впервые на рыбалку и – на!

Я озираясь, пытаюсь понять, продолжается розыгрыш, или Аркадий говорит всерьез. А Костик присел на корточках у ведра и зовет меня:

– Ладно, рыбак сухопутный, иди глянь. Вот она, русалочка!

Я подошел, почему-то на негнущихся ногах, и взглянул в ведро. Там плавала... плавало... Даже не знаю. Русалка? Не знаю. Но точно не рыба. И уж не тритон!

Небольшая, в полторы ладони длиной, с хвостом, переливающимся перламутром, совершенно рыбьим. Но верхняя

часть, «от пояса», была ни на что не похожа. Я даже подумал сначала, что мужики ради достоверности своей шутки специально для меня изготовили это существо. Взяли и склеили пол-рыбины и пол-еще чего-то. Чего только? Или кого? Да нет, существо было настоящее и совершенно живое. Оно полусонно двигалось, перебирало плавниками. Да вот в том и дело, что не плавниками! Больше всего это действительно походило на крошечные ручки. Розовато-прозрачные, с малюсенькими пальчиками и перепонками, как у лягушки. Правда, что ли, земноводное? Но стоило взглянуть на голову, как слова типа «земноводное» или «рептилия» застревали в горле. Головка была тоже розоватая, как и вся верхняя часть, без намека на чешую, и отделялась от тела тонкой шейей, что уж совсем не напоминало никакого животного. А напоминало... Русалку и напоминало. Голова была покрыта даже волосиками или чем-то вроде – тонкими, белесыми, реденькими, слегка вибрирующими в воде. И самое главное – глаза! Все видели глаза рыб – в них пустота и бессмыслица. И даже глаза животных, белок например. Бусинки, милые конечно, но ни тени сознания в них не увидишь. Ну, у собак да, что-то такое там есть. Или у дельфинов. У тех так вообще в глазах виден ум настоящий, как бы даже не более развитый, чем у человека. Но у этой... русалки... глаза были уж точно не рыбы. И не беличьи. И даже не собачьи. Потому что в них был виден не столько интеллект, как у тех же дельфинов, сколько боль. Да, боль и мольба! Я смот-

рел в ведро, где плавало странное создание, а оно иногда смотрело на меня, прямо мне в глаза (разве рыба смотрит вам в глаза?!), и будто умоляло о чем-то. О том, чтоб его выпустили, надо полагать.

– Ну что, хороша? Не видел такого раньше? Я сам пока не увидел, не верил. Думал, рыбацкие байки. Даа, в магазине такую не купишь, – Костик тоже сидел рядом с ведром на корточках и смотрел на русалку.

– Почему? – тупо спросил я.

– Что почему? Почему в магазине не купишь? Да ты что! Кто ж от своей удачи откажется! Это уж поверье такое, или традиция. Поймал русалку, надо тут же ее и съесть, домой не везти.

– Точно, – подтвердил Евгений Петрович-Николаевич. – даже жены рыбаков об этом не знают. Ну кроме тех, что сами на рыбалку вместе с мужиками ездят. А это конечно большая редкость.

Большой редкостью была и такая длинная реплика из уст молчаливого Евгения Батьковича. Видно, и на него произвел впечатление этот странный улов. И вдруг до меня дошло, что сказал Костик.

– Съесть?! Ее?!

– Ну да! А что, молиться на нее? Это традиция, брат. Домой везти нельзя! Я понимаю, похвастаться охота. Но нельзя. Удачи не будет. Даже фотографировать не вздумай!

– Да при чем тут домой? При чем тут удача? Вы что, ее

есть собрались?! Скажи, что это шутка.

– Слушай, братан, – Костик положил мне руку на плечо, но я сбросил руку и вскочил.

– Вы чего, мужики! Нельзя ее есть!

Аркадий подошел и говорит:

– Подожди, не кипятись. Что с тобой? Ну, успокойся. Это ж не русалка, в самом деле. Просто так называют. Это народное название. По-научному наверняка совсем иначе. Какой-нибудь действительно тритон. А тебя просто название впечатлило. Конечно. Я понимаю, как это звучит: давайте русалку зажарим!

– Мы ж не каннибалы какие! Это ж просто рыба такая. Ну или не рыба...

– Вот именно, что не рыба! Ты ей в глаза посмотри!

Хуан подошел к ведру, наклонился, внимательно посмотрел, потом поднял глаза и так же внимательно, долго и серьезно посмотрел на меня. И вдруг захохотал:

– Ай, маладэц! Купил! Ну, молодец! Сделал ты нас! Ха-ха!

– Ффу, так ты разыгрываешь нас? – облегченно выдохнул Костик. – А я уж заволновался, чего это ты такой впечатлительный!

Евгений с Аркадием тоже заулыбались, правда, Аркадий с некоторым сомнением. И тут произошло странное. Я тоже засмеялся. За секунду до этого не ожидал от себя, что засмеюсь. То ли вдруг я сам понял, что крики и охи мои несе-

ръемны, конечно, в ведре рыба или лягушка особая, а уж никак не русалка. И никакого разума или отчаяния в глазах ее нет и быть не может. То ли почувствовал, что из-за этого инцидента может развалиться такое хрупкое и такое ценное для меня ощущение целостности: вот этой мужской компании, солидарности, взаимных подначек. И это утро, этот прекрасный среднерусский пейзаж, этот воздух, полный чистоты и тишины, все это я своим неосторожным криком могу поломать. И ради чего? Тритона, барахтающегося в ведре. Ведь тритона же! Аксолотля. Пусть странного, невиданного, но животного бессознательного.

– Ну ладно. А как ее готовят-то? – спросил я и понял, что ответа слышать не хочу. По кому в горле понял. – О! Дрова кончаются!

Компания оживилась, все заметно перенервничали, и теперь, когда стало ясно, что это не они меня, а я их разыграл, стало сразу легче. Возник такой, слегка нарочитый гомон, суета. Под эту лавочку я и свинтил в лес.

* * *

Брожу, дрова собираю, вполне себе автоматически. И говорю себе: не думай, не думай. Иногда надо отключать мозги, а то от них неприятностей много. Вот я хожу и отключаю. Не очень выходит, как и всегда. Но не думать-то гораздо труднее, ребята, чем думать. Не верите – попробуйте сами. Хотя, может, и не у всех так.

Вот опять же, по поводу названий деревьев и кустов. Если, как я, и как большинство горожан, названий этих не знаешь, то как же ты можешь описать пейзаж. Ведь тот же Пришвин не пишет: «стояло какое-то раскидистое хвойное дерево», а конкретно называет: сосна, или пихта, или ель. У каждой вещи, у каждой твари неслучайно свое имя есть. Как корабль назовешь, так он и плавает. Неправильно вещь назовешь – она неправильно работать будет. Вот задумали решить жилищную проблему, понастроили дешевого блочного жилья. А народ эти пятиэтажки прозвал «хрущобами». Ответственная и жизнь пошла в этих хрущобах: унылая, тесная, сплюснутая такая. Или вот с этим тритоном. Наверняка, у этого существа есть научное название, вполне себе нейтральное. Прав Аркадий. Какой-нибудь саламандрус вульгарис. И все. Никаких проблем. Поймал – ешь. Или чучело набивай. А прозвали рыбаки русалкой, черт их дери, и сразу – другое дело. Хочешь, не хочешь, а название действует на сознание. Уже страшно подумать: как же это, русалку – и на гриль?! А надо себе просто сказать, что никакая это не русалка, и ведь так оно и есть. Тритон, он и есть тритон. Ну, или кто там это...

* * *

Уха была наваристая, дома такую точно не сварить. Все-таки, пища, приготовленная на свежем воздухе, на живом огне – совсем другая пища. Первобытная. Первостатейная,

первоклассная! Ух, вкуснятина! Наелись, отвалились. Теперь, говорит Хуан, десерт. Каждому по кусочечку. Русалка-гриль. Я говорю: Брось, никакая это не русалка, обычный тритон. Или пусть даже и не совсем обычный, редкий. А все равно тритон.

Запеченная зверушка получилась совсем крошечная, на один зубок. Хуан быстро разделил ее на части, мне, как новичку, достался кусок туловища, с одной закопченной лапкой. Лапку я сразу оторвал, чтоб не вызывала ненужных ассоциаций (пальчики такие крохотные, почерневшие, но все равно почти прозрачные...), а тельце, посмотрев на товарищей, по их примеру не стал освобождать от костей, а кинул целиком в рот. Вкус, действительно, оказался ни на что не похожим. Не рыба и не мясо, но в хорошем смысле. Отдаленно напоминает кролика, но что-то и от краба есть. В общем, неуловимый, но очень приятный вкус.

А руку, то есть, лапку оторванную я решил не выбрасывать, а завернул в газету, чтоб привезти домой и оболтусам своим показать. Правда, мужикам об этом не сказал. А то начнутся рыбацкие дела: мол, посторонним говорить нельзя, а то удачу сглазишь! А я на рыбалку первый раз поехал, может, и последний. Так что мне удача рыбацкая без надобности. Надо же сыновей удивить, показать что-то необычное. Вот папка на рыбалку ездил, невидаль привез...

После еды рыбалка пошла ленивая, удочки закинули, сами попадали у бережка в полудреме. Я вокруг костра прибрал все, котелок сполоснул, Костика толкнул: это у тебя клюет или что? Костик встрепенулся: да я вижу, вижу. И вытянул неплохого подлещика. Для меня-то это просто рыбина была, в Костик сказал: неплохой подлещик! Вот и имя появилось у рыбешки, вот и стал он из анонима подлещиком, да еще неплохим. Такая вот история с этими названиями...

К вечеру стали собираться, сворачиваться, все хором жалели-переживали, что остаться на ночь не получается. Кому-то куда-то завтра с утра надо по делам, кто-то жене обещал, ну не получается! Улов по мешкам и ведрам разложили, на мой непросвещенный взгляд – неплохой улов. И поехали. Мы с Костиком сразу со всеми распрощались, потому что Евгений Палыч (во как! Оказался Павлович!) будет гнать свой ниссан на полной. Но выехали мы первые, до нормальной дороги все равно ползли кое-как, а как только на грунтовку выбрались, ниссан тут же нас обогнал. Аркадий и Хуан еще прокричали в окошко: Привет своим! Пока!

И поехали.

* * *

То ли дорога так петляла, то ли речка, но мы пересекали ее раза три, не меньше. Как переезжаем через мост, так вижу указатель «р. Ум». И когда впереди показался очередной мост, я быстро достал из рюкзака руку, в смысле, лапку,

завернутую в газету, и едва машина оказалась на мосту, выбросил сверток за окно. Газета на лету распахнулась и спланировала в траву ближе к берегу. А лапка, в смысле, рука русалки, похоже, упала прямо в воду. Домой.

Стыд смертельный

Света Кувшинникова пукнула. В обществе. Непроизвольно, конечно, и совсем неожиданно для себя. Не пучило живот, не урчало в утробе, никаких намеков. И вдруг – на тебе! Коротко, но чрезвычайно звучно. И оркестр как назло только закончил «Дай пять» и еще не начал следующую вещь – Света так и не узнала, какую именно. И как назло рядом стояли нужные инвесторы, и тональность разговора была та самая, могло срастись. И как назло подошел тот рыжий атлет-очкарик, с которым Света перемолвилась парой слов в начале, а он ответил вполне благосклонно и с юмором, и глаза блеснули тем самым образом, могло срастись. И как назло Света была в образе «диплом МВА», которому пук был совсем никак не к лицу. Выбрала бы «ироничную матрону» или «пост-хиппи с рентой», еще куда бы ни шло.

Света Кувшинникова бросила «извините», стремительно вышла в холл, соскользнула по лестнице к туалетам и заперлась в кабинке. Она думала. И страдала. Страдания мешали мыслительному процессу, и Света привычными движениями души запрещала себе страдать, стараясь думать хладнокровно и не предвзято. Но не получалось. Было стыдно. И сознание того, что повод такой ничтожный, никак не преуменьшало степень и интенсивность переживаемого Светой стыда.

Света Кувшинникова, отключив зрение и слух, улизнула

из особняка, где проходило мероприятие, добралась до автомобиля, села и поехала, куда глаза глядят. Зазвонил мобильник. И с каждым повтором короткого ретро-звонка почему-то стыд в Светиной душе нарастал, пока не захлестнул с головой. Света поняла, что несется по заполненным транспортом вечерним улицам, не разбирая знаков, почти не видя ничего от липкого пота, стекающего на глаза. Она еще раз попыталась думать хладнокровно и не предвзято. И придумала: надо припарковаться, так нельзя. Крутанула руль, врезалась в рекламную стойку и перестала думать, стыдиться и потеть одновременно.

**

Зинаида Львовна месяц назад резала овощи на салат в общей кухне. А жилец Володя сидел за своим столиком и чистил рыбу. Они молчали. Володя вообще был неразговорчив, даже замкнут. Ни Зинаида Львовна, ни ее муж даже не знали, где работает их сосед, сколько ему лет, был ли он женат, словом – ничего. До этого Зинаида Львовна, ее муж и двое детей жили в настоящей коммуналке на четыре семьи. Жили дружно, с соседями не только не ссорились, но даже напротив – помогали, чем могли друг дружке. А с пожилой парой Ивановских так вообще практически сроднились, и очень переживали, когда те съехали. Вскоре, впрочем, съехали и сами, получив ордер в квартиру с подселением – этакую «почти коммуналку». Две комнаты из трех заняла Зинаида Львовна

с семьей, а в третьей жил холостой Володя – неясного возраста и непонятных занятий. Блеклый, потертый, молчаливый. То ли застенчивый, то ли задумчивый. Муж Зинаиды Львовны пытался наладить контакт с новым соседом, приглашал «посидеть», но как-то не сложилось. Зинаида и сама предлагала Володе не стесняться, заходить, если захочет посмотреть телевизор – своего у Володи не было. Но тот телевидением не интересовался. И радио не слушал. И даже выключал, когда заходил на общую кухню. Зинаида Львовна и ее муж, конечно, время от времени обсуждали странности соседа и сетовали на то, что им не очень повезло с Володей. Хотя он и безвредный и не шумный, а все ж какой-то неуютный, что ли. Обсуждали и при детях. Как оказалось, зря.

Зинаида Львовна чистила и резала овощи, Володя возил-ся с рыбой, а по длинному (особенно для четырехлетнего ребенка) коридору из своей комнаты на кухню шел младший сын Зинаиды Львовны – Глебка. Он шел мимо комнаты Володи, заглянул в приоткрытую дверь (такое случилось на его памяти впервые), ничего особенного там не увидел, но пробормотал: Чо-то дверь открыта...

Ну не совсем пробормотал. Довольно громко сказал. Звонким ребячьим голосом. Зинаида Львовна напряглась, коротко зыркнула на Володю и строго окликнула сына, чем он там занимается? Глебка, теперь уже в полную громкость, чтоб мама на далекой кухне услышала, ответил: У Володи дверь чо-то открыта! Мама прикрикнула, чтоб сын немед-

ленно отошел от чужой двери. Глебка послушно отошел и двинулся дальше, к кухне, по пути изображая таракана, ползущего то по стене, то по полу. На ходу таракан, обращаясь к невидимой маме, сетовал:

– Даже в гости никогда не позвал (имея в виду нелюдимо-го Володю)! Какой-то не такой, да, мам? Вот на старой квартире у нас были хорошие соседи. А этот не хороший. Папа говорит, что он нелюдь. Точно, нелюдь! Нелюдь, нелюдь и есть... Мам, а кто такой нелюдь? Который нелит, что ли? А как это, нелить?..

Пулей выскочила покрасневшая Зинаида Львовна с кухни, забыв положить овощной нож. Не сбавляя скорости, столкнулась с сыном, сгребла его в охапку и влетела вместе с ним в свою комнату, с шумом захлопнув за собой дверь. В комнате она поставила ошалевшего Глебку на пол и, размахивая ножом, зашипела:

– Ты шшшто делаешшь?! Ты шшто говоришь?! Ты зачем меня позоришшь?!?

Это случилось месяц назад. Неделю Зинаида Львовна старалась не выходить на кухню, не встречаться с Володиёй в коридоре. С Володиной-то нелюдимостью ей это вполне удавалось. Но кто расскажет, как настрадалась она, какой жгучий стыд испытывала. С мужем они решили никогда, никогда-никогда не обсуждать взрослые свои дела в присутствии детей.

А потом Володя повесился. И его похоронили. Были мно-

гочисленные друзья, куча родственников. А еще через две недели в комнату въехал другой жилец – Ираклий Степанович, пожилой грузинский еврей, которого муж Зинаиды Львовны даже немного знал по работе. Так что, когда он пригласил нового соседа «посидеть», тот с удовольствием согласился.

**

Зуйков бил хозяйку дужкой от кровати, она хрипела и, защищаясь, схватила Зуйкова за пах. Тот взвыл и крикнул Федченко: Чего стоишь? Отцепи эту б...!

Федченко почему-то не захотел помочь Зуйкову, а вместо этого повел себя так, как повел бы себя сам Зуйков в аналогичной ситуации – коротко всхохотнул, матюгнулся и продолжил бросать в мешок какие-то цепочки из ящика трюмо, потом всякое барахло со стола. Потом он вышел из спальни в «зал» и огляделся. Хозяйка в спальне в это время замолчала, а Зуйков смачно и довольно выругался. Судя по звуку, он бросил на пол дужку от кровати и тоже вышел в гостиную.

Федченко стоял посреди большой комнаты с мешком в руке и несвойственной ему задумчивой миной на лице. Что-то с ним было не так. Зуйков это понял сразу и сразу же пожалел, что бросил кроватную дужку в спальне. Федченко поглядел на Зуйкова с болью в глазах, затем перевел взгляд на дверной проем в спальню. Федченко не знал, что с ним. Может быть, ему вдруг стало стыдно за то, что он не помог

товарищу. Вот для Зуйкова это было нормально, а он, Федченко, вообще-то должен был помочь, когда Зуйков звал его. А он не помог. И даже не совсем понимает, почему. И от этого Федченко было вдвойне странней и непонятней.

Не в силах переносить этот непомерный и непонятный стыд, Федченко одним коротким и точным движением всадил финку в сердце Зуйкову.

**

Мальчишки прыгали с сарая. Вообще-то это был не сарай. Сооружение называлось летняя кухня. Внутри была огромная кирпичная печь, вокруг по стенам – полки, шкафчики, все пыльное, старое. Летней кухней не пользовались даже летом, готовили в доме на электроплите. Ненужная в хозяйстве постройка была отдана практически безраздельно братьям Ивану и Глебу. Глебка стоял вместе со всеми на крыше летней кухни, но не прыгал. По странному совпадению это был тот самый Глебка, который раньше жил в коммунальной квартире, а затем в квартире с подселением. А вот теперь его родители получили целый дом, правда, без удобств. Но для мальчишек (а Глебке теперь было восемь, его брату – десять) главное не теплый туалет, а пространство. Пространства в доме было с избытком. Дом, в отличие от квартиры, тем более с подселением, не заканчивался дверьми. За дверью начинался сад, огород, разные постройки – и все это было тоже их пространством, где можно было гулять, иг-

рать, не спрашивая разрешения. Соседские пацаны приходили к Ване и Глебу играть в прятки в их безграничном саду, в индейцев или войну. Тогда летняя кухня была штабом или фортом. А иногда она была просто сараем, с которого, например, очень весело прыгать в сугроб. Но Глебу, в отличие от остальных, было не весело. Он боялся. Несколько раз он подходил к самому краю, смотрел вниз на такой близкий, но такой страшно далекий сугроб, и отступал назад. Он силился и никак не мог понять, почему всем весело, а ему одному страшно. Ведь и на самом деле не высоко. Все уже по нескольку раз с гиканьем и уханьем прыгнули – кто с нарочитой неподвижностью рухнул «солдатиком», кто с силой оттолкнувшись, скакнул вверх, еще увеличив дистанцию падения. И все хохотали, делились впечатлениями: ты видел, как я! И только Глебка стоял на крыше летней кухни и никак не мог решиться. Он даже спустился и поглядел на сарай и сугроб снизу, чтоб оценить высоту максимально объективно – было совсем не высоко и не страшно. Снова забрался на крышу, уже с твердым намерением вот сейчас-то точно прыгнуть, смело подошел к самому краю, уже напряжинил ступни для прыжка, глотнул морозного воздуха и отпрянул. Будто отдернутый за хлястик клетчатого пальто кем-то невидимым. Или чем-то. Ужасом, неподвластным ему страхом. Хорошо хоть, мальчишки не насмеялись и не издевались, не обзывали трусом. Наоборот, подбадривали – все-таки Глебка был самым младшим в компании. Но сам-то он

понял со всей очевидностью, что он – трус. Трус! Он отошел подальше от края крыши, уже твердо зная, что не прыгнет НИКОГДА. Для этого он слишком труслив. И так пойдет он по жизни – на кривых и дрожащих ножках труса. Черное отчаянье и стыд захлестнули Глебку. Он вдруг понял, что от этого несостоявшегося прыжка вся жизнь его теперь будет сплошной мукой стыда. Глебка заплакал и отошел к противоположному краю летней кухни, к забору. Снег тут, между стеной сарая и забором, намело гораздо выше, сугроб почти доставал до черных досок крыши. И Глебка, сквозь оглушающий и ослепляющий его стыд, вдруг понял, что может прыгнуть здесь. Ведь какая разница! Главное, что он прыгнет. А с какой стороны – уже не так важно. Да и потом, после этого первого прыжка он наверняка сможет прыгнуть и с той, другой стороны, где хохочут и визжат мальчишки. Он подступил к краешку. Страх упругой волной давил ему в грудь, не пуская к кромке. Но стыд подталкивал сзади, и он оказался сильнее. Глебка молча, без ухарских воплей, сосредоточенно оттолкнулся и прыгнул вниз, уйдя с головой в сугроб. Мальчишки подумали, что малой испугался и убежал домой, и еще долго резвились на крыше. А потом решили играть в индейцев, несмотря на шубы и ватные пальто. А потом еще строили снежную башню. А потом расходились по домам, и мама позвала Ивана с Глебом ужинать. А потом долго искали Глеба, и нашли только поздно ночью. Именно что поздно.

**

Анатолий Иванович впервые вышел гулять без костыля. За два с лишним месяца это устройство страшно надоело ему, и несмотря на всеобщее сочувствие, Анатолий Иванович ощущал себя скверно. Ему казалось, что костыль добавил возраста, что с этой глупой палкой под мышкой он стал на десяток лет старше, и сочувствие вызывает не столько травма, сколько его мнимая старость. А ведь он еще огого! И вот костыль оставлен дома (Анатолий Иванович даже хотел его выбросить, но все же пока не стал), и на прогулку вышел совсем даже не старей, и полностью здоровый, приятной наружности человек. Анатолий Иванович старался идти не хромая. Это получалось, если шагать не спеша, как бы даже вальяжно, руки за спину, подбородок вверх. Моцион. Не хватало трости. Впрочем, нет – трость это почти костыль, ну ее. Анатолий Иванович вышел со двора и направился в сторону бульвара. Тут была хитрость. Как ни бодрился Анатолий Иванович, а нога все ж не зажила окончательно. Но на бульваре имелись бесчисленные скамейки, и можно было присесть, как бы не от усталости, а просто, в жанре моциона. Присесть с газеткой (он и газетку прихватил, хитрец), потом опять прогуляться. Анатолий Иванович живо представил себя, сидящего у входа в парк, и ему картинка понравилась. Но нога давала о себе знать, и Анатолий Иванович с горечью понял, что до парка не дойдет. Можно, конеч-

но, было присесть и здесь, скамеек хватает, но на воображаемой картинке Анатолий Иванович сидел с газеткой именно у входа в парк. Но решение есть! И вполне себе достойное. Доехать пару остановок на трамвае! И Анатолий Иванович, круто изменив траекторию, направился к остановке. Трамвай не заставил себя долго ждать. И вот тут Анатолий Иванович столкнулся с проблемой, о которой как-то не подумал – ему предстояло подняться на довольно высокую подножку. Со здоровой ногой, до травмы, это никакой сложности не представляло, но теперь оказалось крайне непросто. Анатолий Иванович с силой ухватился за поручень и подтянул тело резким усилием на первую ступеньку. Благодаря сильной инерции, он быстро перешагнул выздоравливающей, но не выздоровевшей ногой на вторую ступеньку. Там чуть замешкался, но смог все же довольно быстро подняться и на последнюю. Травма, разумеется, тут же дала о себе знать. Жуткой острой болью. И Анатолий Иванович пожалел, что затеял этот моцион, замешанный на гордыне. Он доковылял до единственного свободного сиденья и с трудом опустился, сохраняя, впрочем, на лице выражение беззаботности. Все-таки гордыня имела место. Тут в вагон поднялась, вставая на каждую ступеньку поочередно обеими ногами и долго топчась на месте, старушка. Поднялась, оглядела вагон и направилась прямиком к Анатолию Ивановичу. «Ну почему сразу ко мне? Что я, самый молодой, что ли?» – подумал Анатолий Иванович, – «Хотя, уж точно не старый.

Подошла ко мне, значит, выгляжу вполне в форме». Он удовлетворенно улыбнулся, но тут же понял, что встать и уступить старушке место просто не сможет. Не в силах. Боль в ноге была такая острая, что Анатолий Иванович даже вспотел. Но старушка встала рядом с ним и молча, требовательно смотрела. Анатолий Иванович заметил, что другие пассажиры начинают тоже смотреть на него, и в их взглядах явно читается: «Ну и тип, расселся без стыда и совести, бабушке место не уступит!» Он уже даже сделал было движение, чтоб встать, но перенеся вес тела на ногу, получил такую порцию боли, что едва сдержался от вскрика. «Нет, не смогу, очень болит, – подумал Анатолий Иванович, – Да и в конце концов, почему именно я?! Что, в вагоне никто не может уступить места? Есть тут и помоложе и поздоровее меня! И в конце концов, мне через одну выходить, вот тогда и сядет спокойно...» Но подняв глаза, он встретился взглядом со старушкой. Та покачала головой, презрительно скривив губы. Такого стыда Анатолий Иванович не испытывал давно. А может и вовсе никогда не испытывал. Он старался жить по совести и поступать согласно неписанным правилам общежития – никому не мешать, помогать по мере сил, уважать старость, пропускать дам вперед и так далее. И вот вдруг он, Анатолий Иванович, попал в такую глупейшую ситуацию – сидит, как наглый подросток, под убийственным взглядом стоящей старушки. И рад бы подняться, да не может. Ну не пускаться же в объяснения, в самом деле! Извините, мол, нога по-

сле операции не зажила окончательно, трудно стоять, через остановку выйду. Боже, до чего стыдно! Трудно понять даже, от чего больней – от раны или от стыда. Ужасно стыдно, просто невыносимо. Анатолий Иванович, не в силах более терпеть создавшуюся ситуацию, преодолевая боль физическую, вскочил сначала, сгоряча, на обе ноги, потом приподнял больную, схватившись за поручень. Затем зачем-то поднял и вторую, на короткое время завис так – рука на поручне, ноги над полом трамвая, а потом, оттолкнувшись от поручня, разжал кисть и легко поднялся. Беспрепятственно он преодолел крышу вагона, проскользнул мимо искрящего токоприемника и полетел ввысь, оставляя внизу боль и жгучий смертельный стыд...

Ужин

Стоило костру разгореться, и окружающий полумрак как будто стал еще темнее. А когда вода в котелке закипала, была уже настоящая ночь. Рыжий всыпал в котелок крупу и помещивал ее, я резал на маленькой доске овощи. Мы продолжали наш бесконечный спор. Сначала появились звуки – треск сучьев, невнятные голоса, чей-то хохот (наверное, близнецов), а затем к костру вышел учитель и с ним все наши. Андрей нес ворох сучьев, хотя дров у нас было достаточно.

Как раз вовремя, сказал Рыжий, уже почти готово.

Учитель первым уселся у костра и вытащил из мешка стопку мисок. Ребята разбирали миски и рассаживались по кругу. Учитель внимательно посмотрел на Рыжего и спросил:

О чем вы тут так оживленно спорили, когда мы подходили?

Рыжий замялся: *Да так.. О грехе!*

Петр всохотнул баском, прыснули близнецы.

Ну вы нашли тему, засмеялся Андрей.

Тема как тема, сказал учитель, О каком-то конкретном грехе или вообще?

Я подошел к костру с большой миской с наломанным хлебом: *Вообще и в частности...*

Рыжий глянул в мою сторону и сказал: *Вот он говорит,*

что обжорство не грех.

Чревоугодие, поправил учитель.

Ну, чревоугодие. Не важно. Ну, ест человек много, аппетит хороший, может себе позволить. Кому он вредит? Нет, если уж совсем много, то конечно, вредит своему здоровью, а так-то больше никому...

Забавно, что в это время все активно орудовали ложками – похлебка нам явно удалась.

А вы что думаете? спросил учитель парней.

Андрей облизал ложку: если вкусно, то что ж здесь плохого? Конечно, мог бы поделиться с кем-то, не все ж одному съедать...

Петр пробасил: Может, он и делится! Откуда ты знаешь? Мы ж не про жадность говорим, а про обжорство.

Учитель снова поправил: Про чревоугодие.

Чревоугодие, согласился Петр, какая разница!

Учитель взял из миски кусочек хлеба: В том-то и дело, что разница есть. Обжорство это категория, скажем, так, количественная. Человек ест слишком много. Может, что-то не в порядке с организмом, может, много голодал раньше. Не важно. Чревоугодие – это другое. Человек живет, угождая своему чреву, животу своему. То есть, все, что он делает – все для брюха, все во имя брюха. Свое время, свои душевные и физические силы он тратит только ради еды. Еда для него – ценность абсолютная. Вот что такое чревоугодие.

Близнецы толкали друг друга в бок, шепча: *Ты, брюхо!.. Сам ты брюхо!..*

Рыжий наморщил лоб: *То есть, чревоугодие не потому грех, что кто-то много ест, а потому, что он только о еде и думает? Ни о близких, ни о долге, ни о душе, только о еде!*

Учитель кивнул, улыбаясь: *Примерно так. Кстати, о долге. Кто моет посуду?*

Близнецы горестно вздохнули и начали собирать миски в стопку.

Ну, а с другими грехами что? Разобрались? – спросил нас с Рыжим учитель.

Не со всеми, пробормотал я.

С какими еще не разобрались? чересчур резко вскинулся Рыжий.

Например, с предательством, сказал я и серьезно посмотрел на учителя.

А с предательством-то чего не ясно? пророкотал Петр, *Тут уж все однозначно. Это вам не черве... чрево.. угодие! Предательство оно и есть предательство!*

Рыжий заступился: *Нуу, тебе всегда все ясно!*

Петр приподнялся: *Зато вам умникам всегда чего-то не ясно!* и посмотрел на учителя.

Учитель вздохнул: *когда все ясно и все однозначно – это хорошо. Но когда что-то неясно – это тоже хорошо. Потому что, только задавая вопросы, человек учится. Сомнения – ворота к мудрости, так говорят. И возможно, иногда*

полная ясность говорит не о глубоком понимании, а всего лишь о неумении задавать вопросы. Это ведь тоже умение – сомневаться. Вот ведь и огня бы у человека не было, он махнул рукой на костер, если б какой-то, как ты говоришь, умник, не засомневался бы. Не задал себе вопрос: а можно ли не дожидаясь, пока молния ударит в сухое дерево, сделать огонь самому? Спросил себя и начал пробовать, мучиться. Тер палочки друг о друга. А потом увидел, как кто-то высек искру, ударив камень о камень, и подумал: да вот ведь она, маленькая молния! Положил сухой мох, взял два камня, и – оп! развел первый в истории костер. Так что, благодаря сомнениям и вопросам, человек и стал человеком.

Близнецы, вернувшиеся с реки, смотрели на учителя, как на сказочника, раскрыв рот, Петр согласно кивал своей огромной кудрявой головой, Андрей наморщил лоб, открыл было рот, но Рыжий его опередил:

Это понятно. Но нельзя же сомневаться во всем. Есть ведь вещи, ну, незыблемые, которые нужно просто принимать или не принимать, но не надо в них сомневаться! Сомнения могут быть губительными...

Учитель, довольный, кивнул: Совершенно верно. Для ума неподготовленного сомнения могут быть губительными. Это и созидательная, но и разрушительная сила. Как и любым орудием, им надо уметь пользоваться. И я бы хотел, чтоб вы этому научились. Подготовили свой ум, свою душу. Были крепкими в своих убеждениях и не боялись сомне-

ний. Для этого нужно задавать себе и другим вопросы – иногда странные, неожиданные, даже неудобные. Рискованные. Задавать, и учиться находить ответы. Как вашим мышцам нужна тренировка, так и вашему уму, иначе он захирет, ослабнет.

Петр улыбнулся: я понял. Вот вы зачем нам всякие ваши каверзные загадки все время загадываете!

Учитель склонил голову, вздохнул и улыбнулся Петру: Не загадки. Мне не нужно, чтобы вы угадали ответ. Ведь в жизни редко бывает так, чтоб верный ответ был лишь один. Мне нужно, чтоб вы думали над ответом, размышляли, искали его. Эти поиски в каком-то смысле уже и есть ответ...

Он достал кожаную флягу, вынул пробку и припал к воде. Утолив жажду, учитель протянул флягу перед собой, вопросительно глядя на нас. Андрей кивнул и взял флягу, но перед тем, как попить, он сказал:

Это все так. Но... По поводу предательства. Ведь с ним-то все-таки все понятно. Предательство – это плохо. Значит, это грех. О чем тут сомневаться?

Учитель поднялся, разминая и потягивая затекшие мышцы: Все понятно, говоришь? Но вот что сказал мне как-то один очень неглупый знакомый. Он сказал: мы все предатели, а потому не можем никого обвинять в предательстве.

Ребята забормотали, переглядываясь: Как это, все предатели? Почему?

Рыжий тоже возмущался вместе со всеми. А учитель продолжал:

И я, друзья мои, среагировал точно так же. И собеседник объяснил мне, что имел в виду. Каждый из нас, сказал он, предает надежды и ожидания наших родителей, становясь не тем и не таким, каким и кем они нас представляли и хотели бы видеть. Мы говорим: у нас собственная жизнь, и мы вправе распоряжаться ей по своему усмотрению. Это так. Но дали эту жизнь нам наши родители. Они наши создатели, и тоже вправе желать, чтоб их создание отвечало их планам. Но их творение отворачивается от них и уходит в «свою собственную жизнь», тем самым предавая своих создателей. И это не все. Мы и собственные ожидания и надежды тоже предаем. В детстве мечтаем об одном, а в юности потешаемся над этими мечтами, считая их наивными, нереальными. Но когда повзрослеем, то уже и юношеским мечтам приходит конец, и у нас совсем другие цели и устремления. Так мы предаем сами себя. И не один, не два раза в жизни, а на всем ее протяжении. Мы покидаем родной дом, предавая его. Мы уезжаем в чужие края, предавая свою родину. А если возвращаемся в конце концов обратно, то еще раз предаем – ту землю, что была нам второй родиной. Неблагодарные предатели. Мы предаем свои способности и таланты. Ведь ими, поверьте мне, одарен каждый. А реализовали их лишь единицы, остальные – предатели, наплевавшие на имеющийся у них дар – ради выго-

ды, или ради спокойствия. Или просто от лени. Мы заводим собак или кошек, или лошадей, не важно. Большинство животных умирают гораздо раньше человека. И вот они уходят от нас, посвятив нам всю свою жизнь без остатка. Уходят, а мы остаемся. предаем их, и видим это в их гаснущих глазах. А затем заводим новых любимцев, предавая старых повторно. И уж конечно предаем людей, которые тоже умирают прежде нас. Обещаем помнить их вечно, зная, что предадим и это обещание. И таким обещаниям нет счета в нашей жизни. Кому мы только не раздаем всяких авансов, заверений и обещаний! И сдерживаем лишь ничтожную часть из них, предавая остальные и предавая тех, кому обещали. Мы предаем влюбленных в нас, когда не отвечаем им взаимностью. Мы предаем наших учителей, забывая все или почти все, чему они нас учили. Мы предаем также и наших учеников, когда перестаем понимать их и понимать, чему же мы их учим. Мы предаем своих друзей, когда становимся богаче их, вызывая в них зависть, и когда становимся беднее их, вызывая в них смятение. Мы предаем здравый смысл, когда поступаем нелогично, и предаем совесть, когда поступаем в соответствии со здравым смыслом. Любовь заставляет нас забыть о долге, предавая его. Либо чувство долга берет верх, и мы предаем любовь. Мы ежедневно вредим собственному телу, изнуряя его или балуя, предаем его – то вредной пищей, то излишествами, то, напротив, голодом. Мы предаем нищих, когда не подаем им.

Но, подавая, мы развращаем их, то есть опять же предаем. Когда едим, предаем голодных, когда пьем, предаем жаждущих. Делимся с одним, предаем всех остальных. Так говорил мне этот мудрец. И это еще не все. Мы предаем своих детей, отпуская их во взрослую неизвестную жизнь, а может, предаем их еще при рождении, потому что знаем изначально, что наступит день, и мы отпустим их. Мы предаем даже нашу старую одежду, когда выбрасываем ее за негодностью. А ведь она годами верно служила нам. Мы предаем книги, которые не читаем, и предаем те, что прочли и забыли. Больной предает врача, когда умирает, это так. Но он предает его и когда выздоравливает, потому что перестает быть больным, и больше не нуждается в лекаре. Мы предаем того, кто метет улицы, когда сорим. Но и не соря, мы лишаем его работы, предавая его тем самым. Мы предаем ученых и всю науку своим незнанием или полу-знанием. Мы предаем власть, презирая ее или подозревая ее, а власть с удовольствием предает нас ежедневно. Мы предаем язык свой, не умея им толком пользоваться, говоря косноязычно и смутно. Мы предаем своих предков, не помня, кем они были и как их звали. Мы предаем своих потомков, не оставляя им наследства. А оставляя – лишаем их свободы, а значит, предаем. Мы предаем само время, растрачивая его попусту, убивая дни и часы, распорядясь им бездумно и расточительно. И даже нашу жизнь мы предаем, когда жалуемся или когда несчастливы, когда злимся или обижаемся. Мир

соткан из предательств, взаимных и переплетенных, ежеминутных и растянутых длиною в жизнь. И все мы предатели. Все без исключения... вот что сказал он мне. И я долго молчал, как сейчас молчите вы.

Все действительно молчали, в разной степени потрясенные. Никогда мы не слышали от нашего учителя ничего подобного. Обычно все его монологи дышали оптимизмом и душевным здоровьем. Но сейчас будто сдернули ткань, укрывающую бронзовый памятник, и стало видно, что он весь в трещинах и сколах.

Рыжий первым подал голос: *Но ведь это он так говорил? Вы ведь так не думаете?*

Учитель очень серьезно поглядел на него: *Важно, что думаешь ты.*

Андрей робко заговорил из полумрака: *Но вы говорили, что мир соткан из любви. А теперь... Как же это уживается? Любовь и предательство?*

В глазах учителя появилась лукавинка: *Оказывается, мы с тобой очень похожи, Андрей! Ведь я сказал ему то же самое. Но у странного мудреца был ответ и на это. Любовь? – спросил он, – Что ж, любовь это тоже предательство. Ведь полюбив, мы выделяем единственного человека из всего мира. Ради него мы готовы на многое, в том числе на ужасные вещи. И если на одной чаше весов будет наш любимый, а на другой кто угодно, для нас выбор очевиден. То есть, любя кого-то, мы предаем всех остальных, скопом,*

сразу! Так что, любовь, возможно, самый ужасный вид предательства – массовый и безоговорочный.

Рыжий задумчиво повторил:… Когда любишь кого-то… Кого-то одного… Значит,.. Значит, надо просто любить всех!! И с торжеством взглянул на учителя, будто разгадал очередную его сложную загадку.

Верно, если любить всех – всех и всё без исключения: людей, животных, птиц, землю, пищу, воздух, песни, жалобы, сандалии, камни, весь мир. Только так можно разорвать порочный круг предательства. Это ты хотел сказать?

Рыжий потупился: ну да.

Близнецы облегченно вздохнули, как будто слушали страшную сказку, и она наконец кончилась.

Ну а поцелуй? – вдруг спросил Андрей, залившись румянцем. А может, это просто показалось в свете костра.

Что – поцелуй? – спросил учитель.

Близнецы прыснули, но тут же стушевались. Петр с превеликим удивлением повернулся к Андрею.

Ну вот, поцелуй как проявление любви. Если я люблю кого-то, то своим поцелуем я даю ему понять это. Но, как говорит этот ваш мудрец, целуя одного, я отказываю в этом всем остальным, и значит, предаю их?! Какая-то странная логика, нечеловеческая.

Учитель сделал страшные глаза: а кто вам сказал, что это был человек?.. Ха-ха! Петр, не пугайся так, я шучу.

Но Андрей не поддержал шутку: Так как же получается?

Либо я должен целовать всех и всё, раз уж я люблю всех и всё. Ходить и целовать без разбора: людей, животных, птиц, землю... что там еще вы говорили?

Близнецы давились от смеха: Целуй землю, целуй землю!..

Но Андрей не обращал внимания, продолжал: Или, что гораздо нормальной, я буду целовать лишь одного человека, которого искренне люблю. Но этот поцелуй почему-то превращает меня в предателя!

Учитель молчал. Наступила тишина, даже близнецы перестали повизгивать. Все переводили взгляды с учителя на Андрея.

А учитель вдруг повернулся ко мне и спросил: *А ты что молчишь? Что ты думаешь?* Это было так странно и неожиданно, что я буквально опешил. И еще страннее было лицо учителя. На нем был не обычный для него пылливый мыслительный процесс, или не привычная улыбка, а страдание. Почти мука. Он смотрел мне в глаза, и будто испытывал боль, необъяснимую и страшную. Я открыл рот, но не успел ничего сказать. Из темноты вдруг показались смутные фигуры. Мы, увлекшись спором, не слышали, как они подошли, и потому вздрогнули как от выстрела. Люди вошли в освещенное пространство, и стало видно, что на них военная форма. Сначала показалось, что их пятеро или шестеро. Но вот один из них командирским жестом махнул рукой назад, и из мрака выступили еще фигуры, еще и еще. Солдаты плотным кольцом обступали наш кружок со всех сторон. И молчали. Ан-

дрей попытался встать, но учитель мягко положил ему руку на плечо, и Андрей остался сидеть. Петр, весь разговор поигрывавший ножичком, теперь зажал его в кулаке и, постепенно перебирая пальцами, прятал в рукав. Командир военных подошел еще ближе, почти к самому огню. Он оглядел всех по кругу с выражением лица вполне миролюбивым. Затем прокашлялся в кулак, как оратор перед выступлением, но ничего не стал говорить. Вместо этого вздохнул и развел руками, причем жест получился мирным и даже каким-то извиняющимся. Напряжение у костра от этого его вздоха и этого жеста, да и от совсем не грозного лица немного ослабло. Правда, ножичка Петр из руки не выпустил. Теперь учитель открыл рот и даже произнес уже какой-то звук, но на этот раз я остановил его, положив руку на его худое плечо. Я поднялся на ноги, не убирая руку с плеча учителя, даже, кажется, похлопал его слегка. Зайдя ему за спину, я и вторую руку положил на другое плечо, а затем нагнулся и поцеловал учителя, в щеку, или точнее – куда-то в область глаза. Поцеловал долго, затем выпрямился и прикрыл глаза. Мне незачем было смотреть. Я и без того знал все, что произойдет. Знал, что Петр вскочит со своим смешным ножичком, но командир военных красноречиво и убедительно обнажит свой меч. Знал, что близнецы Иоанн и Иаков врастут в землю от страха, что солдаты по кивку своего командира стремительно метнутся к тому, кого я поцеловал, и схватят его. Знал, что Андрей будет пытаться что-то кому-то объяс-

нять, спорить. Знал, что Рыжий Фома будет неподвижно сидеть и смотреть не на солдат, и даже не на Учителя, а только на меня. Будет смотреть, с неожиданной для него самого ненавистью повторяя мое имя. Имя, которое с тем же выражением лица и с той же интонацией будут произносить самые разные люди на протяжении тысячелетий.

Роль

Я произношу свою последнюю реплику, зал заходится от смеха. Раздаются аплодисменты – сначала на галерке, затем охватывают и весь партер. Я кланяюсь и делаю приветственно-благодарный жест рукой. Глупый запрет на поклоны в середине действия в нашем театре снят. В чем смысл этого запрета, который ввел, как мне кажется, сам Станиславский? Якобы аплодисменты прерывают связность действия. Отвлекают актеров от их сверхзадач. Разрушают «четвертую стену», отделяющую сцену от зрительного зала. Никчемные аргументы! Желаете непрерывность действия и четвертую стену? Отправляйтесь в кинематограф! Там актеры старательно делают вид, что не замечают смотрящей на них кинокамеры. Может быть, поэтому «глазок» камеры и называется объективом? Он – безличен, *объективен*, это инструмент фиксации. Понятно, что и в самом финале фильма актеры, участвовавшие в нем, не выходят на поклон, объективность действия сохраняется до конца. Таким образом, зритель выступает здесь в роли тайно подсматривающего. Его не замечают, зато он видит все.

Иное дело – на подмостках. Мы откровенно называем спектакль – *представление*. Мы представляем различные ситуации, эпохи, места. Если персонажи фильма переходят пустыню, то и камера со своим Объективом должна отпра-

виться в пустыню и наблюдать там, среди настоящих песков, за актерами. На сцене же достаточно *представить* пустыню, то есть – вообразить. Мы можем обозначить ее одинокой хилой пальмой, на заднике, а можем просто сказать об этом, упомянуть в диалоге персонажей, что находимся в пустыне. И все. Этого хватит. Дальше начинается воображение. Представление.

Сумасшедший в лечебнице тоже воображает себя в различных местах и эпохах, но окружающие не разделяют его *представления* с ним. В театре же в акте воображения участвуют все: актеры, музыканты и – зрители! Без их участия, без их фантазии театр не состоится. Они, придя в зал, выразили свое согласие в додумывании реальности, свою готовность соучаствовать в представлении. Так, совместными усилиями, суммой всех волей и фантазий и возникает Волшебство Театра.

Я произнес свою финальную реплику. Она очень удачна. И сама по себе смешна. А вкупе с придуманным образом производит всегда положительный эффект. Придумать образ, конечно, задача режиссера. Он задает рамки и границы. И в этом, вроде бы фиксированном пространстве актер волен импровизировать безгранично. Вы скажете, парадокс? Вовсе нет. Ведь мы сами в нашей жизни ограничены множеством факторов: местом рождения, средой обитания, национальностью, врожденными качествами. Но в этих рамках мы свободны выбирать из великого числа возможностей. Из од-

ной и той же стартовой точки расходится веером множество вероятных путей, биографий. Мы же выбираем лишь одну из мириад, и этот выбор – наш. Так что, свобода – это выбор в ограниченных рамках. Когда ограничений нет вовсе, это не свобода, а хаос.

Режиссер в театре – тот, кто из хаоса бесконечных возможностей вычлняет определенные, превращая их в правила. Он как бы расставляет флажки по периметру поля, на котором предстоит совершенно свободно, но не заступая за ограждения, передвигаться актерам. Или другая аналогия – он создает азбуку, из которой актеры составляют слова.

Эта моя роль коротка. Но персонаж чрезвычайно яркий и запоминающийся. Почти все реплики – афоризмы. Конечно, играет свою роль и костюм, он выполнен с выдумкой и некоторым даже вызовом. Кроме того, для этой роли я сам придумал оригинальный грим. Парик здесь я не использую – просто взлохмачиваю собственные волосы так, чтобы они представляли собой этакую копну. Все это вкуче, дополненное моими скромными, но пользующимися популярностью у зрителя актерскими способностями, делает настоящую роль из проходного вроде бы эпизода.

Я вообще люблю эпизодических персонажей. По нескольким причинам. Во-первых, это как бег на короткие дистанции. Можно выложиться за малое время с большой силой. Во-вторых, проходные роли, как правило, прописаны не так детально, как главные, а значит – оставляют гораздо больше

возможностей для импровизации. Еще одна причина моей привязанности к эпизодическим ролям кроется в особенности нашего театра. Труппа у нас невелика, и почти в любом спектакле актерам приходится исполнять по несколько персонажей. Конечно, тем, кто играет главные роли, этого сделать невозможно – они почти непрерывно на сцене. Но мы – исполнители эпизодов – лишь только покидаем действие, можем перевоплотиться в другого персонажа, чье пребывание на сцене столь же коротко. В некоторых постановках я играю четыре, пять, а то и больше ролей. И это, конечно, гораздо интереснее, чем пробыть все сценическое время в одной маске. Ведь актер, любой актер, мечтает испробовать как можно больше всевозможных образов, сыграть как можно больше ролей. У меня, короля эпизода, именно это и получается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.